

Дмитрий
КОРЖОВ
г. Мурманск

ВПЕРЁД В ПРОШЛОЕ!

повесть

— А мы ведь не умрем?

Она спросила это как-то неожиданно. Не в отчаянье, не обреченно, а как-то совсем по-детски, с надеждой. Слово его ответ было очевидно, безусловен, абсолютно ясен, ожидаем. И так, видимо, и было. Для нее. Но не для него. Он не знал ответа. Ни на тот конкретный вопрос, совершенно практический, вне философий и долгих размышлений, касающийся сиюминутной, житейской ситуации, в которой они оказались вместе со всей страной и миром. Ни на тот большой — всемирный, и незримый, и зримый, что неизбежно вставал вслед за первым, кажущимся рядом с этим, вторым, таким ничтожным и маленьким.

Так вот он — взрослый, много повидавший в жизни человек, извадавший войну и суму (только без тюрьмы у него обошлось, как-то вот так), горечь утрат и низость предательства, — не знал ответа на этот кажущийся внешне таким простым и очевидным вопрос ни в одном из его вариантов. И поэтому он ответил «правильно» — так, как считал нужным

ответить юной девушке, которая ждала с такой надеждой и светом в глазах:

— Нет, мы не умрем...

Это случилось, когда перестали летать самолеты и ходить поезда, страны-соседки закрыли границы, а на улице можно было выходить лишь для того, чтобы купить картошки и хлеба или выгулять собаку, если таковая имела. Но собаки у него не было.

— И что теперь делать?

— Ничего не делать, — отмахнулся он чуть раздраженно. — Домой сейчас пойдешь.

Она его не поняла, спросила осторожно:

— Это еще зачем?

— Дурочка! А ты как думаешь? Чтобы мама с папой не потеряли.

— Не хочу.

— Ещё бы тебя кто-то спрашивал... — снова отмахнулся он. После короткой паузы, словно что-то прокручивая в голове, заметил — аккуратно, по всему было видно, не желая излишне торопить свою мысль и решение: — А впрочем...

ТЕЛЕФОННЫЙ ПОРТАЛ

.. . **Б**ыла она какая-то неладная, изрядно потраченная жизнью. Привычный си-не-красный цвет поблек – почти не ощутим был в этом поставленном вертикально прямо-угольнике. Стекло в боковом окошке телефонной будки разбито, краска на дверной ручке стерта до металла, на стенке над аппаратом на-карябано – («Должно быть, гвоздем кто-то постарался...» – машинально подумал Олег) – нехорошее слово. Но аппарат был жив, во всяком случае внешне, – манил списком главных телефонов на матовой плашке, хоть и пласт-массовым, но жестким, словно костяным, дис-ком с цифрами. И даже трубка у него имелась – хоть и колотая, но была, ждала неустанно чьих-то признаний и молений о встрече. И то сказать, без трубки-то какая жизнь?

Олег вспомнил, как однажды вот так вот по-пал. Это было в середине девяностых, когда в их безумный постсоветский мир вместе с бан-дитами и людьми в красных пиджаках (вторые порой ничем не отличались от первых) поти-хоньку начали входить новые технологии – конечно, не по-бандитски вламывались, но уже настойчиво стучались. Так вот первый таксофон, из которого Олег тогда попытался позвонить, – на остановке, где они по опреде-лению должны были быть, – оказался чипо-вым. Что это такое, сейчас уже никто не знает. «И я не знаю, никогда не пользовался, – поду-мал он. – Да и не надо...» Но позвонить-то на-до было. Очень.

Олег прошел до следующей остановки, где, он знал, – на удивление, не поверите! – име-лось два таксофона. В ста метрах друг от друга: один с одной стороны протяжного, долгоигра-ющего универсама, второй – с другой. Пер-вый – новенький, праздничный, почти блес-тящий, – не работал: никаких признаков зум-мера в черной тяжелой трубке, ни намек на гудки, пустота. А во второй трубке не было – ее даже не срезали, а совсем уж по-хамски вырвали с мясом. Только пружина и проводки остались – висели себе буднично и тихо, без надежды и радости.

– А зачем они нужны-то были? – спросила

его спутница – невысокая быстроглазая девуш-ка лет семнадцати. – Мобильный ведь есть!

– Тогда – не было, – заметил Олег. – То есть были, конечно, но где-то... вообще, где-то да-леко. Не у нас. Казались фантастикой. Уже вполне себе научной, но фантастикой. А тогда еще продолжали звонить из автомата...

– Из какого автомата? – испуганно пе-респросила девушка и осторожно предполо-жила: – Калашникова? Из них тогда звонить можно было, не только стрелять?

Олег усмехнулся и попытался объяснить несведущей, что так – «телефон-автомат» – когда-то называли вот такие будки, рядом с которой они с Сашей (так звали его спутницу) очутились после того, как он намеренно – знал, знал последствия, пробовал уже – наб-рал на мобильном какой-то, казалось бы, прочно забытый им номер, – номер из прош-лого. И – словно закрутило их, унесло куда-то стремительным вихрем и – выплеснуло здесь, у этого вертикального, вдоволь испытанного жизнью прямоугольника с битыми стеклами.

– Да, звонили мы из таких вот автоматов... – с грустью произнес Олег и без усилия вспо-мнил формулу, которую можно было при желани-и и внутри телефонной будки найти. – Два или один плюс один. Это – монетки. Копей-ки. Иногда у таких аппаратов очередь стояла, так что не сразу и доберешься до трубки, но это все-таки в больших городах, не у нас, не в Мурманске, у нас это редкость. И номер нуж-но было помнить. Или записать где-нибудь, если в памяти своей не уверен.

– Это сколько же мороки-то всяческой! – вздохнула Саша. И, загибая маленькие паль-чики, принялась ворчать-перечислять: – Из дома выйти, монетку найти, номер помнить, очередь, если есть, отстоять... – и почти сер-дито, но вместе с тем словно жалея даже не его – отдельного, не чужого ей человека, но всех ведомых и неведомых ей людей прошлого, спросила: – И как вы так жили?!

Олег рассмеялся, ответил простодушно:

– Да хорошо жили! Счастливо! – потом с ус-мешкой добавил: – Но ты забыла одно. Надо было для начала еще работающий автомат найти...

— Да, конечно... — закивала она. — Найти, да... — задумалась на секунду, заулыбалась и сообщила: — Впрочем, для некоторых это и сейчас проблема. Я вот свой смартфон иногда подолгу найти не могу. Даже когда звонит...

Они уже прошли мимо того видавшего виды телефона-автомата, когда Саша вдруг схватила его за руку, сжала ее крепко, почти больно и сказала:

— Слушайте! А давайте вернемся!

— Зачем?

— Хочу посмотреть, как кто-то звонит...

И они вернулись. Но будка была пуста, да и улицы города в этот вечерний час тоже.

— Жалко... — вздохнула она. — А сколько это стоило?

— Говорю же, две копейки... — отмахнулся он.

Но для нее номинал этот, как и какой-нибудь древнегреческий талант или римский динарий, ровным счетом ничего не значил. Звук пустой — и больше ничего. Потому и спросила:

— А это много?

— В общем-то, нет, — пожал плечами Олег и продолжил как-то неуверенно, будто сомневаясь в том, что столь уж это мало — та самая благословенная «двушка»: — Два коробка спичек. Два кусочка хлеба в ресторане. Черного! В столовой он ничего не стоил.

— Ну, — размышляла Саша, — не так и много. Как говорит один мой знакомый, «копё»!

— Так и есть... — согласился Олег, однако тут же продолжил: — Но ты все-таки не до конца понимаешь суть проблемы. Важно, чтобы у тебя эта медяшка — мелочь, звук пустой — имела. А иначе — беда. Особенно, когда улицы пустые и магазины ближайšie закрыты. Главное, чтобы она у тебя была, — повторил, — в заветном карманчике... — и как-то разом осекся, задумался, словно что-то вспоминая, постепенно светлея, радуясь чему-то незримому и далекому, которое при этом всегда с ним.

Так и оказалось. Причем в прямом смысле. Он сжал руку Саши — почти так же сильно, как она несколькими минутами раньше, когда их закрутил неведомо-нежданный вихрь, и чуть позже, когда звала вернуться к будке.

Олег сказал:

— Послушай, старушка, я что-то слишком

много говорю. Надо бы проще... Как в хорошей русской прозе: не называть, а показывать!

Он так сказал, отпустил ее. Чуть отстранившись, забрался под куртку и дальше — внутрь своего любимого старенького пиджака, молча, ничего не объясняя спутнице, постранствовал там по сусекам и что-то достал — ничтожно маленькое, почти невесомое. Настолько маленькое, что Олег легко мог спрятать это нечто между тремя пальцами. Наконец показал, держа монетку за рёбра:

— Посмотри! Это советские две копейки, «двушка» та самая.

— Из заветного карманчика?! — с восхищением, хотя и не без легкой иронии, улыбаясь, спросила Саша.

— Из не-е-го, — с удовольствием подтвердил Олег. — Из него, родимого...

— А как так?

— А вот так!

— Вы что, заранее знали, что мы здесь окажемся?.. — изумленно спросила она и, глядя на него почти как на волшебника, всё-таки уточнила: — Готовились?

— Да нет, конечно! Просто нужный пиджак надел, — смеясь, промолвил Олег и, видя в ее глазах очередной вопрос, добавил: — Талисман это. Из тех времен. Давно со мной кочует по пиджакам разным. Как видишь, пригодился.

— Разрешите! — услышал Олег за спиной громкий голос.

Полуоглянувшись, чуть посторонился и увидел только спину человека в черной кожаной куртке, который быстро зашел в кабину — он шарил по карманам, очевидно, в поисках мелочи.

— Пойдем! — Олега позвала его спутница, но уйти не успели...

— Извините, у вас «двушки» не найдется? — вновь услышали они за спиной уже почти знакомый голос.

Олег обернулся и наконец увидел лицо... И замер, словно на стоп-кадре. Этого человека в черной куртке он знал.

Потянулся было в карман, но остановил себя, на мгновение задумался: «А стоит ли? Могу ли это делать?» Олег и про спутницу свою

юную забыл. Но совсем о себе забыть она не позволила — за него ответила на вопрос, дернула за рукав:

— У вас же была...

Наконец он достал и протянул человеку в куртке вожделенный медяк. Но, видимо, Олег слишком долго вглядывался в молодое, с чуть выдающимся носом с горбинкой лицо, что вызвал вопрос:

— Послушайте, мы с вами знакомы?

— Нет, не знакомы, — быстро ответил Олег, усмехнулся и добавил: — Точнее, я вас — знаю, а вы меня — нет.

Молодой человек заулыбался радостно, блеснув золотыми зубами, и, видимо, абсолютно уверенный, что в этом городе его должны знать все, заметил убежденно:

— Ну, это бывает...

...Город звал. Город звал и манил. Как расплесканное штормом море, раскинулся он вдоль черной воды никогда не замерзающего Кольского залива, разлегся вольготно на сопках — сам кум ему не брат!

Это когда-то уже очень давно, сто лет назад, замыкался он в куцее пятнышко бараков и казенных домов на самом краю земли, продолжением которого были корабли у причала. У причалов! Нет! Это город стал продолжением кораблей, он именно с них... ими начинался, и было их в ту пору — пространственно, жизненно — подчас больше, чем его самого, еще младенца. Младенца, но не несмышленища. Он никогда таким не был. Он привык мыслить как взрослый, изначально, с первого часа, — широко, по-мужски основательно, светло. Так, как делали это люди, что его создавали. Моряки и инженеры. Первопроходцы! Романтики.

Город звал. От Пятины, где уносились ввысь многоликая, победоносная, как одноименный ледокол, «Арктика», до какого-нибудь гиблого Фадеева ручья, где и показать-то девушке (любому гостю города!) было нечего, — с одной стороны. А с другой — до Росты — судоремонтного завода, который еще в войну приводил в порядок наши подводные лодки. До улиц, на которых, если зайти внутрь, во дворы, мало

что и сейчас переменялось с войны: деревянные тротуары, лужи, сплошные горе да беда. В девяностые и вовсе можно было кино снимать про пятидесятые...

Но Пятина... Пятина была хороша всегда — наверное, даже когда и луж там имелось в достатке, а тротуаров не было совсем. Вот и сейчас площадь радовала и какой-то необычайной открытостью — к проспектам и улицам, сходящимся к ней, людям, солнцу, что выползло наконец из-за туч, морю, что было неподалеку, пусть и скрытое от глаз, — всему необъятному миру.

А на Пятине, на Пятине

Мне одиноко, как на льдине,

Мне одиноко, как в пустыне... — вспомнилось Олегу, хоть стихи и не подходили настроению, но были очень живые и очень мурманские, и он прочитал их вслух.

Сашка обалдело обернулась к нему и с ходу засыпала вопросами — порой дурацкими до невероятия: что? что? что? как? где?

— Это? Стихи! — усмехнулся он. — А ты не знала?

— Какие стихи?

— Хорошие... — с наигранной неохотой, продолжая немножко издеваться над своей малолетней спутницей, заметил Олег. — А ты и не поняла?

— Чьи? Чьи? Чьи? — закричала она и принялась маленькими кулачками бить его в грудь.

Не хило так, как в барабан: вопрос — удар, вопрос — удар, вопрос — удар. Олег аж закашлялся.

Он едва ее унял, ну и ответил, конечно, — куда ж денешься:

— Да Колычев это, Колычев!

— Кто? — переспросила Саша.

Она прекратила его бить, но глаза ее не стали менее круглыми и обалделыми.

— Большой русский поэт Николай Колычев, — пояснил Олег и, видя Сашино дряхлеющее недоумение, продолжил просвещать не пытающуюся упорствовать в собственном невежестве подругу: — Николай Владимирович. А ты и не знаешь, лентяйка! Таких людей нужно знать. И не просто знать, а знать в лицо и на память.

— Обязательно почитаю! Бросьте ссылку! —

машинально ответила она, но, мигом осознав, что сейчас, в данный момент, в этом не ведающем интернета Мурманске то, о чем она попросила, невозможно, уточнила: — Когда домой вернемся...

— Какую ссылку, Саша?! — с возмущением одернул ее Олег. — Книгу дам почитать! Или подарю...

Как ни странно, но последнее ее только обрадовало.

— Ура! Ура! Ура! — закричала Саша и почему-то вновь начала колошматить Олега в грудь.

Но тот, внутри уже готовый к подобным эскападам, прервал ее — и отработанным уже жестом, и словом:

— Хватит уже! Я тебе не барабан!

Только тогда Саша наконец опомнилась:

— Извините! Я не хотела...

Они пошли от площади по Ленина и здесь же наткнулись на странных, словно ждущих чего-то или кого-то людей, от которых моментом отклеился один — с серым, ничего не выражающим, почти пустым лицом и в потертой куртке — и быстрехонько юркнул к ним со словами:

— Доллары, марки, норвежские кроны? Продать, купить?..

Сашка от него отшатнулась, как от беса мелкого, прижалась к Олегу, схватила за руку. Но его явление бесенка этого завалященького нисколько не смутило, он даже не дал неожиданному пришельцу договорить:

— Нет, ничего не надо.

Тот кивнул и тут же тем же макаром вернулся к своим коллегам, — разом исчез, словно растворился в осеннем мурманском воздухе.

— А что он хотел-то? — спросила Саша, когда они прошли чуть дальше, а она оправилась от шока, вызванного умеющим внезапно возникнуть и бесследно исчезать субъектом.

— Хотел нам валюту продать. Или купить... — равнодушно объяснил Олег поползновения безликого бесенка.

— А что, нельзя в банке обменять? — пожалла плечами Саша. — Не понимаю.

— Ну, тут иногда выгоднее было, — продолжил объяснять ее друг. — Особенно когда много меняешь.

Они продолжали идти вдоль довоенных еще и сразу послевоенных зданий проспекта, почти добрали уже до следующей остановки, до Егорова. Их остановил взрыв. Сначала — хлопок, а затем в небо, вращаясь в воздухе, взмыла дверца взорванного неподалеку от остановки автомобиля.

— Ох ты, похоже, Аллаха взорвали! Видел я это уже один раз... — покачал головой Олег.

— Какого еще Аллаха?

— Да был такой в те времена... бандит, — вновь был вынужден объяснять старший путешественник во времени и командовал: — А ну, Сашка, живо отсюда! Бежим!

— Зачем? — не поняла его Саша.

— В милицию загребут, а у нас ни паспортов, ни вида здешнего, ни одежды. Доказывай потом, что Ваней звали...

И они припустили обратно к Пятине. Только там Олег смог рассказать ей о бандитах и о том, как много их было в девяностые и как много они значили тогда. В том числе вот взрывали друг друга.

— Веселенькая жизнь... — невольно поежилась Саша.

— Куда уж больше... — согласился Олег.

Город звал. Даже несмотря на бандитов, звал. Звал не только Олега и Сашу. Звал всех тех, кто приезжал сюда со всего Советского Союза, со всей России, из самых разных, самых укромных, неведомых её закутков, из глуши всамделишной — заповедной, тайной. Как пелось об этом в известной песне о Мурманске, автора которой Олег знал: «Мальчики всей России мечтают увидеть тебя». Так и было. Они приезжали сюда на год-два, на пять лет учебы в знаменитой здешней мореходке. Приезжали на время. И оставались навсегда. Такой это был город.

Они прошли Пятину, двинули дальше по Ленина — мимо большеухого памятника городкам-побратимам, известного в народе под именем «Чебурашки», добрались до «Пельменной», где в тесном подвальчике в эти предвечерние часы, видимо, кипела жизнь: люди заходили и выходили беспрестанно — нескончаемым живым потоком. Но спускаться вниз по вышербленным ступенькам утлой местной ле-

сенки путешественники не стали, хоть Саша и молила Олега чуть ли не коленопреклоненно:

– Зайдем! Есть хочу! Помру ведь шас...

– Не помрешь! – оптимистично заметил он и добавил отрезвляюще: – У тебя деньги здешние есть?

Она машинально попыталась найти хоть что-то в карманах, но Олег ее прервал:

– Ты что, не поняла до сих пор? Мы в другом времени, и деньги тут другие. У тебя они есть?

– Нет... – обреченно выронила Саша и совсем уж потерянно подвела итог собственной финансовой и не только несостоятельности: – Я даже не знаю, как они выглядели...

А Олег не упустил случая – продолжил ее воспитывать:

– И что, милостыню будешь просить? Головой-то думай хоть иногда, принцесса на горошине... Надо найти денег хоть немного, а то мы тут правда помрем.

Он остановился, замолчал, словно вспомнил что-то и хотел убедиться, что память не подвела.

Со словами: «Все-таки зайти надо...» – нырнул в подвал. Там, внизу, в жарком пельменном подполье, он с ходу бросился к одной из круглых стоек, за каждой из которых люди что-то ели и пили. Впрочем, пили не что-то, а водку – только водку. Не обращая внимания на этих едящих и пьющих, вполне собой довольных, уже и сытых, и чуть-чуть пьяных человек, Олег выловил с тарелки, стоявшей посередине такого вот стола на высокой ножке, несколько кусочков черного хлеба и – сквозь дым и чад этакого шалмана – метнулся обратно. Весь этот судорожный, как говорили в века иные социалисты-революционеры, «экс» занял всего несколько огненных секунд. Опрометью туда-обратно, и Олег уже стоял на улице и протягивал спутнице родимую мурманскую черняшку:

– Вот... Это я, знаешь ли, вовремя вспомнил, что в советское время на столах всегда был хлеб, – ответил он на ее немой вопрос. – И не ошибся. Хотя на самом деле зачем хлеб в пельменной? Впрочем, в те годы много делалось, что нам уже и не понять. Много – и хорошего, и не очень.

Последних его слов Сашка не услышала.

– Ну так пригодился же! – воодушевленно улетающая горбушку, хитренько, одними глазами улыбаясь, заметила она.

Ему только и оставалось, что согласиться:

– Это – да. Это правда.

...Тот парень в черной куртке, видимо, дозволился. Чуть позже, когда, жуя доблестно добытые три корочки хлеба, шли по Ленина обратно к площади мимо такой знакомой им (а Олегу, как он теперь понял, особенно) телефонной будки, путешественники увидели его вновь, причем уже не одного. С девушкой. Да, тот молодой человек и девушка. Самые обычные. Только что очень элегантные – оба. Особенно девушка. Легкие тифельки-лодочки, рыжие, заплетенные в маленькую косичку волосы и – плащ! Плащ! Вроде бы серенький и не слишком дорогой, строгий, но очень стильный, точно подчеркивающий всё то, что надо подчеркнуть в фигуре его обладательницы: ее легкость, быстрые ножки, резкость и живость движений, ее не бросающуюся в глаза, какую-то надмирную, высокую красоту.

Молодой человек подошел к Олегу и с улыбкой протянул «двушку» со словами:

– Я, кажется, у вас занимал... – и они ушли прочь по кажущемуся бесконечным в вечернем полумраке проспекту.

Олег заметил, как Сашка следила за ней – не отрываясь, как за каким-то инопланетным и несбыточным. Потом завистливо процедила:

– Какая она...

Саша еще что-то хотела сказать, но, должно быть, не смогла найти нужных слов, все они уступали увиденному.

– Какая? – поинтересовался он, хоть и знал, что ответить она скорее всего не сможет.

Но ошибся, одно слово в дальних закромах невеликой девичьей головки она не без сопротивления, конечно, но все-таки отыскала:

– Неземная...

Олег не стал продолжать этот странный разговор, оборвал ее:

– Хватит об этом. Нам надо вернуться... – цепко схватил за тонкое запястье, затащил в ту самую телефонную будку.

Саша не сопротивлялась, только спросила обреченно, когда они очутились внутри:

– Куда мы опять?

– Назад, в будущее, – ответил Олег названием известного (к счастью, и ей тоже) фильма.

Ее следующий вопрос его и смутил, и удивил:

– Зачем?

* * *

В его нынешней квартире они оказались как-то уж совсем неожиданно, броском-хлопком разных миров, будто лифт небесный или какой-то там еще, более навороченный (хотя куда уж более!), единым духом их сюда вознес.

Саша только ахнула. И запричитала:

– А как это? Как это?

– Сам не знаю... – пожал плечами Олег.

Хотя знал. Конечно, знал. Недолго думая, он сделал то же, что совершил с мобильным дома. Он тогда набрал ее номер – тот, из прошлого, еще пятизначный, – номер, что жил в нем все прошедшие годы, остался с ним навсегда. И – пошел зуммер, а потом они очутились здесь. А в девяностых, в этой будке дурацкой, он набрал номер своего мобильного, который в это время был в его руках. И он зазвонил! Так они вернулись в его квартиру рядом с Семеновским озером. И – в свое время.

– Нам нужно было вернуться, Сашка! Мы там без денег не выжили бы...

– А откуда мы их здесь-то найдем? Тут ведь только доллары.

– Кто ищет, тот всегда найдет! Слышала про такое?

– Слышала!

– Так! Иди залезь в холодильник, сделай по-быстрому что-нибудь перекусить нам. Ну и кофе, конечно, – бросил он ей на ходу.

А сам живенько юркнул в большую комнату. В нижнем ящичке огромного шкафа среди хлама всяческого, гнутых гвоздей и прочих стародавних скобяных изделий отыскал блестящую жестяную коробку, в которой при каждом ее движении то приветливо, то не очень что-то звенело и брякало.

На звук из кухни прибежала Саша, забросала Олега традиционно ненужными вопросами: «А что это? А что это?» Отвечать было нечего, он просто открыл коробку. Звенело и брякало там именно то, что так необходимо было путешественникам во времени. Старые деньги! Гривенники и пятаки, десятички и копейки – послереформенная мелочь всех мастей. Даже рубль один имелся. Олимпийский! И купюры с серпом и молотом попадались, но немного – пара трешек и пятерка. Отдельно лежали чуть другие, уже не советские, их было побольше, несколько сотенных бумажек – потертых, мятых.

– О! – воскликнул он. – Они-то там и нужны! Живем, Сашка! Ну и совсем стареньких прихватим – послереформенных. Пригодятся!

– послушайте, а это вы, что ли, там были? – вдруг, озаренная внезапной догадкой, робко, наверное даже боязливо спросила Саша.

«Наконец-то догадалась!» – подумал Олег, но сразу признаваться не стал, решил ее чуть-чуть помучить-попытать, помытарить в свое удовольствие. Спросил непонимающе:

– Где?

– Там, у этого... как его?.. Телефона-автомата! А потом – на Ленина...

Он задумался и лишь потом сказал – с трудом, с усилием:

– Да, я... – сказал Олег и замолчал, и лишь после долгой паузы продолжил: – Хотя мне сейчас кажется, что это совсем другой человек. Внешне, конечно, очень похожий на меня, да, но... Но при этом, как мне сейчас кажется, даже не до конца знакомый.

– А девушка?

Можно было уже и ответить, и рассказать всё как есть, как было, но Олег продолжал изводить собеседницу дурацкими вопросами:

– Какая?

– С ним была девушка! – сосредоточенно глядя ему в глаза, не прося, а требуя ответа, почти закричала Саша. И убежденно заявила: – Я думаю, именно ей он и звонил.

– Да, была девушка... – согласился Олег устало, даже с некоторой неохотой.

Она поняла его нежелание говорить, поэтому спросила не сразу, но напрямик:

— Это, наверное, любовь ваша первая была?

Он даже смутился на миг, задумался. Мысленно вернулся в ту осень, хоть и с бесконечными дождями, но очень теплую. И счастливую. Для него. И для нее.

— Можно сказать и так... — промолвил он совсем тихо, почти неслышно, будто не ей отвечал, а только себе.

Но Саша — чуткая! — услышала.

— Красивая!.. — вздохнула почти сочувственно, словно жалея, — не только себя, скромно отводя себе в негласном конкурсе красоты не первое место, но и его, Олега, — известно, мол, намучаешься с такой.

— Правда? — насмешливо переспросил он, с удовольствием продолжая актерствовать, наигранно засомневался: — Обманываешь, небось?

Она обиженно замахала на него маленькими кулачками, готовая ударить, почти выкрикнула:

— Правда! — смолкла на секунду, а потом продолжила завороченно и радостно, неожиданно, но как-то очень непринужденно и буднично перейдя на «ты»: — И ты красивый. Светлый очень. Ты и сейчас светлый. Но не так... не так.

ТРАКТОРИСТ СИЛЬВЕР

Он возвышался над ними, словно великан из сказки, словно тяжелая волна накатила на берег и — замерла на секунду, готовая, если замешкаешься, пойти дальше, смести напрочь всё, что мешает, смести и памяти не оставить. Хотя, если по правде, внешне не так уж и велик был этот человек. Но ощущение производил океанское — настолько велико, необъятно было пространство, которое он занимал, поглощая всё вокруг себя — всё и вся! Сказать, что он был больше своего тела, — ничего не сказать. «Вот это глыба, — невольно подумал Олег и продолжил цитировать классика: — Вот это матерый человечисе!» А еще ведь голос! Голос подчинял себе круче боцманской дудки. Какая дудка?! Размах (и бас!) тут был капитанский:

— Ну что ж такое-то?! Мо-ло-ды-е люди...

За их спинами зашумели-зашикали, но всех заставил замолчать тихий, интеллигентный, но решительный окрик из матюгальника:

— Почему посторонние на съемочной площадке? — яростно зазвенело на всю округу, а закончил маленький человек с громкоговорителем совсем уж не интеллигентно, жандармски резко: — Убрать!

К Олегу тут же подбежал всклокоченный суетливый человек на коротких кривых ножках, схватил — как клещ вцепился — не оторвешь, только с мясом! — его за локоть, прошипел с ненавистью: «Вы откуда взялись — с неба?» — и потащил прочь. Одновременно еще один такой же суетливый субъект то же самое проделывал с его спутницей. Так-то вот — буквально под белы ручки — их и вывели подальше от прожекторов и камер.

— В чем, собственно, дело? Как вы смеете? Какое имеете право? — попробовала протестовать Саша.

Олег не протестовал — сразу всё понял.

Коротконогий суетливый посмотрел на Сашу — снисходительно, как на муху никчемную, несмотря на собственный невеликий рост, сверху вниз, с презрением заметил:

— Вы что ж такие темные-то? До сих пор не знаете, что у вас в городе кино снимают?

Она хотела было ответить, но Олег не дал. Он бросил суетливым субъектам короткое «Простите!», взял за руку спутницу: «Пойдем, пойдем!», отвел в сторону, подмигнул, шепнул весело: «Сашка! Мы опять не дома...»

— А где мы? Почему не дома? — встревожено и быстро заговорила она, потом показала за его спину. — Вот ведь «Родина».

— Да уж, «Родина», — хмыкнул Олег и посмотрел туда, куда она указывала, не упустив при этом походя, как нашкодившую школьницу, одернуть: — Пальцем не показывай! Откусят...

Саша тут же, смутившись, убрала руку, намурилась обиженно. Но там, куда она так неосмотрительно указывала тоненьким пальчиком, действительно была «Родина» — их кинотеатр. Свеженький, словно только что рожденный, блистал на солнце невыбитыми стеклами окон. Новенькая афиша справа от входа с красавцем капитаном Грэм — «Алые паруса».

— «Алые паруса»! — взвизгнула от восторга Саша и взглянула на Олега выжидательно, с полунамеком произнесла тихонько: — А я не смотрела...

— Ну да, с совсем молодым Лановым и юной Вертинской... — спокойно пояснил он, а потом, заметив наконец, как же ей хочется, сказал: — Хорошее кино. Будешь себя хорошо вести, сходим.

Она, видимо, вспомнив их голодные мытарства в девяностых, осторожно спросила:

— А много денег надо?

— Немного, — не задумываясь, механически ответил Олег. — Копеек двадцать-тридцать. На вечерний сеанс дороже. Не волнуйся, если захотим, нам и на вечерний хватит, — бросил взгляд на кинотеатр, промолвил озабоченно: — Да, «Родина»... Правда, выглядит заметно симпатичней, чем сейчас. Мы дома... дома, в Мурманске. Только снова в другом времени.

— А в каком? — любопытствовала Саша.

Насчет этого у Олега кое-какие мысли были, но торопиться с выводами он не стал:

— Разберемся!

Он оглянулся вокруг. Невдалеке белело четырехэтажное здание — необычное, словно причудливо сложенное ловким ребятенком из кубиков разной величины.

— Это «Арктика»! Только старая.

— Как это?

— Ну ты ведь нашу «Арктику» знаешь? Ту, что неумные люди «Азимутом» обозвали?

Саша радостно кивнула:

— Знаю. Конечно, знаю.

— Так вот та, которую ты знаешь, — снисходительно пояснил Олег, — это новая «Арктика», в семидесятых-восьмидесятых построенная. А до нее была вот такая — тоже гостиница, люксовая, лучшая в городе, с первоклассными номерами и шикарным рестораном.

— Какая красивая! И необычная...

— Да, интересное было здание, — согласился он. — Конструктивизм, тридцатые годы... Эх, жаль, не уберегли.

— А почему?

— Думаю, ценности до конца не осознавали. Снесли, когда новую строили.

«Старая «Арктика». И кино...» Он вернулся

взглядом в пространство, откуда их только вывели под белы ручки. Там всюду кипел котёл кинодела. Готовились к съемке очередного эпизода или дубля — того, что не удалось снять из-за их появления. Великан, так удивившийся их появлением, стоял рядом с тем — быстрым, маленьким и черненьким, скорее всего кавказцем, который, как из пушки, пальнул в них из матюгальника. Точнее, пальнул-то он в своих подручных, а те уж принялись устранять неожиданную и нелепую помеху съемке.

— Ну, все понятно, Сашка...

— Что? Что тебе понятно?

— Это же Борис Андреев! — с восторгом произнес Олег. — Ну тот, кто над нами завис. Представляешь? Он тут боцмана играет. А человек — не-е-т. Какой там боцман?! Капитан! Андреев, надо же...

Но имя это, звучавшее в его устах высоко и гордо, на нее никакого впечатления не произвело.

— А кто это? — безразлично спросила она.

— Ну как объяснить... Ты же ничего не смотрела. А на словах это трудно. Тракторист знаменитый, Саша — как и тебя, заметь, звали, — с «Уралмаша», будущий капитан Сильвер. Пиратский... Преступный соратник Флинта. Но это много позже будет.

— Ну, то, что пиратский, это-то я заметила...

— сказала она зло, видимо недовольная, что вновь не знает очевидных, по мнению Олега, вещей.

— А снимают там, откуда нас с тобой шуганули. Соответственно, «Путь к причалу»... — произнес он уверенно. — Тоже не смотрела? Мы в шестьдесят первом году с тобой оказались.

На его, по сути, риторический вопрос она, понятное дело, отвечать не стала. Только потупилась смущенно.

— Жаль. Ладно там «Трактористы». «Два бойца», — заговорил хоть и с симпатией, но все же чуть назидательно, учительски, — это простительно. А «Путь к причалу» посмотреть надо. Это самое мурманское кино. Другого такого нет.

— Ну что ты меня без конца третируешь? — стараясь, чтобы голос был отчетливо жалобным, заговорила Саша. — Издеваешься...

«Третируешь... Надо же, слова-то какие знает...» — подумал Олег, но ей сказал, разумеется, другое.

— Кто сказал, что без конца? — как бы между делом игриво заметил он.

Но ни усмешки, ни шаловливого намека она, увлеченная своей обидой, или не заметила или не посчитала нужным это показать:

— Делай в конце концов скидку на возраст! У меня всё еще впереди. Всё еще посмотрю. Успею!

— Вот в этом я нисколько не сомневаюсь, — улыбаясь, согласился Олег. И продолжил — вполне оптимистично, хоть опять-таки не без легкой, почти незаметной иронии: — Верю в тебя!

— Странно, кстати, что они этот эпизод здесь снимают... — вернулся он к кино. — Мне говорили, что осень наша быстро закончилась и пришлось кое-что доснимать в Новороссийске.

— Кто это тебе такое говорил? — осторожно, очень не желая вновь невзначай показаться двоечницей, поинтересовалась она.

— Главный режиссер, Георгий Николаевич Данелия. Но, конечно, много лет после тех событий, которые мы с тобой только что наблюдали своими глазами. Было дело...

Саша оглянулась на него с уважением и почти радостью от того, что в этом своем незнании она нисколько не виновата.

Они прошли мимо сквера на Ленинградской, мимо «Арктики» и свернули к главной площади, застроенной множеством двух-трехэтажных дощатых домов.

— Ничего себе! — выдохнула девушка удивленно. — Это же Пятинка!

— Да, она... она, родимая, — кивнул Олег. — Площадь Пяти углов собственной персоной. Вон ДК Кирова, смотри.

— Вижу, вижу! — обрадованно вскрикнула Саша и осеклась в смятении: — Пять углов! Но какая же она не такая... Ни сквера, ни фонтана. И — о радость! — ни трески этой новоделанной-недоделанной! А «Арктики» — не этой, новой! — все-таки недостает.

— Пожалуй... Это, как архитекторы говорят, доминанта здесь, центр, который всё вокруг к

себе притягивает, заставляет быть не в рассеянии, а вместе.

— Только большие дома остались... — указала Саша на два массивных длинных дома — своеобразные ворота площади, если ехать с юга. — И еще вот то здание, на горке...

Там, на следующей — третьей — городской террасе, действительно тихонько серел знакомый каждому мурманчанину дом.

— Это первая школа, — пояснил Олег. — Она и до войны, и в войну была. А тут она еще действующая. Вон, гляди, школьники по лестнице топают.

— Ха, а лестница-то в другом месте! — восхитилась Саша. — И — деревянная...

— В другом... конечно, в другом... — кивнул Олег. — Подвинули в центр, чтобы прямо к школе выходила.

...Город родился на сопках. Обосновался, разлегся державно вдоль черной глади незамерзающего моря, Кольского его залива. Постепенно разросся, окреп. Так уж случилось — одни камни вокруг. И дома на них, а теперь уже и улицы, и площади, и проспекты.

Он пошел в рост направо и налево по скалистой кромке залива — до Росты с одной стороны, Северного Нагорного — с другой. Но и вверх принялся взбираться — по тем же черным, неуступчивым камням. Еще не слишком настойчиво, но упрямо. На Жилстрое и Микояна было грязно и лужи по колено, но дома уже стояли — не только бараки. И строились новые...

Город выбрался из бомбежек и пожаров 42-го — с потерями, но выбрался, как человек из смертной драки — искореженный, без зубов, волос и кожи, но — выкарабкался. Выжил. Выстоял. Хоть съела — почти подчистую, без остатка, в дым! — весь круг припортовых улочек, все мурманские Октябрьские и Либкнехта распахнутая настезь пасть огня, запущенного в Мурманск немецкими зажигалками. Подхваченный ветром огонь — природный анархист и бунтарь — адской лихоманкой, ухарем бездомным прошелся по городу, оставив по себе лишь печные трубы да пепел... Пустоту, по сути, — зловещую, сумрачную, убойную.

Пустота бы и осталась. Если бы не люди. Только благодаря им город снова ожил, вернулся, отвоевал навек плацдармы, отданные пустоте, и не торопко, по-хозяйски степенно и неуклонно вновь поднимался ввысь — всю обустроивал третью террасу, уже всерьез, без лишней болтовни задумываясь о четвертой.

Изменился и центр, причем разительно, до неузнаваемости: грязный овраг, словно гадкий утенок из сказки, что нежданно-негаданно превратился в чудо-лебедя, вдруг обернулся стадионом «Труд»; напротив вырос желтый дом, вместивший разом всю местную многоярусную власть — и обком, и горком; сгоревшую шестую школу перестроили в краеведческий музей, а вход на площадь Пяти углов, где еще в досталь имелось довоенных, уцелевших в пламени 42-го деревяшек, распечатали литерные близнецы-многоквартирники «А» и «Б».

И это правильно — на рубеже сороковых-пятидесятых городу в первую очередь нужны были именно жилые дома. Жилья-то, как когда-то в самом начале, в первые его «младенческие» годы, не хватало катастрофически, до невозможности.

Пленные немцы отстроили заново и Октябрьскую, и Либкнехта, и Коминтерна, помогли и с «литерными»... Двухэтажки и пятиэтажки, их руками спроворенные, получались суровые, но сработаны оказались на совесть — в просторных и теплых тамошних квартирах можно было строить новую жизнь. Еще как!

Поражали («До сих пор поражают!» — подумал Олег) высокие, стремящиеся к небу потолки этих больших жилищ. Много воздуха. Много света. Почти как в «капитанских» домах на проспекте Сталина — почти как «до войны».

Что же до неба, к которому стремились высоченные потолки новообретенных городом домов, то оно следило за происходящим из-за облаков. Порой казалось, что делает оно это совершенно равнодушно. Но не безмолвно, нет. Небо разговаривало дождем и снегом, а подчас — незакатным солнышком, чистым и светлым. Но последнее все же случалось редко и только летом или ранней осенью, до холо-

дов. Хмурилось небо много чаще: сгоняло тучи неприступной стеной, словно сводило над городскими улицами и площадями, как и над живущими здесь людьми, кустистые черные брови. Впрочем, в последнем нелегком обстоятельстве, пожалуй, виновато было не оно, а вечный мурманский спутник-приказчик — ветер. Этот-то супротивник дело свое знал круто. Дул себе беспрестанно, раскачивал море и небо. И не ведал покоя.

Море — черное, тяжелое — ворочалось чуть в стороне. Такое далекое и такое близкое. Большое. Студеное. Родное.

Так они и жили здесь. В обнимку с ветром. Между небом и морем.

Вверху — небо. Внизу — море. Между этими двумя мирами, двумя непримиримыми планетами, как между двумя жерновами, и жил Мурманск. Жернова эти то словно сдвигались, когда море в штормовом задоре вздымало ввысь волны, а почти такое же облачно-штормовое небо опускалось ниже, то расходились врозь, когда выпадал счастливый солнечный денек, а мир светлел и делался чище...

...Привычно зарядил, настойчиво зарядил по лужам дождь, как обычно это бывает и бывало в Мурманске, — мелкий, быстрый, кажущийся бесконечным.

— Надо бы укрыться где-то... — вслух заметил себе Олег. Он оглянулся на гостиницу: — Можно, конечно, и в «Арктику» завернуть, но, боюсь, на ресторан у нас с тобой денег не хватит.

— Так в кино пошли! — Как маленький факел, вспыхнула Саша надеждой, потянула его за рукав: — Пошли, пошли! Ты же обещал! — и смолкла обескураженно; чуть помедлив, добавила: — Хотя там, наверное, эти... киношники твои. Тракторист Сильвер и прочие.

— Во-первых, они не мои. А во-вторых, я думаю, они уже закончили. У них цвет ушел, почти стемнело ведь уже, — с видом знатока, хоть и не совсем понимая, что говорил, Олег оценил освещенность города, в котором уже жил осенний мурманский полумрак.

У «Родины» действительно съемок уже не

было. А вот очередь в кассы была. В кинотеатр они всё-таки проникли. И началась сказка...

Мужественный и гордый, так непохожий на себя в детстве, ослепительно красивый капитан Грэй и нежно юная, хрупкая, пугающе доверчивая Ассоль... Прекрасные, какие-то совсем не советские, очень молодые Лановой и Вертинская.

Саша и охала, и ахала, наблюдая за тем, что происходит с героями, но чаще замирала завороженно и, не отрываясь, следила за иной, почти инопланетной жизнью, словно искала там что-то свое, именно для нее, девочки из другого века, сказанное. «И вправду ведь не смотрела...» — отметил, то и дело тихонько подсматривая за ней, Олег.

— Какие они!.. Необыкновенные! — выдохнула Саша после финальных кадров абсолютного в лучших голливудских традициях хеппи-энда. — Романтика сплошная...

— Милая, у нас романтика еще в двадцатые годы, как, помнится, говорил один поэт, «уволена за выслугу лет»... — не упустил случая немножко спустить спутницу с небес на землю Олег.

— В Мурманске — никогда! — убежденно заявила ему она и попробовала обосновать — теоретическую базу под сказанным соорудить: — Вот ты говорил про то кино, куда мы попали. «Путь к причалу»? Ну да, «Путь к причалу». Что оно самое мурманское... Но ведь и это — очень мурманское. Может, и не самое, но — мурманское.

— А ведь ты права, пожалуй! — с некоторым удивлением отмечая не только ее способность думать, но думать образно, согласился Олег. — И эта вещь Грина, и кино не только заставляют нас поверить в то, что чудеса в нашей жизни случаются, но и в то, что нужно стараться не только верить в них, но подчас и делать, причем своими руками. К тому же сам капитан Грэй очень созвучен Мурманску. Он смелый, решительный, при этом очень трудолюбивый, преданный своему непростому ремеслу, любящий людей человек. Грэй — романтик и труженик. Это ли не Мурманск?

...Телефонная будка, примостившаяся у вхо-

да в кинотеатр, — та самая, у которой их застучал бывший тракторист и будущий Сильвер, — при невеликих своих размерах, как бездна, зияла пустотой и манила приоткрытой дверью.

— И куда мы теперь? — с тревогой спросила Саша. — Может, домой?

— Да откуда ж я знаю? — пожал плечами Олег. — Механизм перемещений наших мистических, думаю, не только мне неизвестно, но, полагаю, не познан в принципе. Как и их направление. Может, домой вернемся, а может, куда подальше улетим, к иным мирам и звездам.

— Ну что, поехали? — вспомнил Олег знаменитую фразу, которая именно в этом 1961 году стала здесь известна всем — всему миру.

«А она-то знает?» — подумал про себя.

Она, возможно (скорее всего!), и не знала, но ответила правильно:

— Поехали!

ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР

— Да это не лужа! Это — море! — закричала Саша.

И трудно сказать, чего было больше в этом вопле-вскрике — восторга или ужаса. Восторга — от почти эпического, без преувеличения — разумеется, учитывая ограниченное, весьма стесненное между морем и скалами пространство города — океанского размера главной здешней лужей, вольготно возлежавшей на центральной площади областного центра. А ужаса — от той грязи и нечистоты, что царили вокруг столь же вольготно и яростно, да что там говорить — почти непреодолимо.

— Не город, а лужа какая-то! — не смолкала Саша.

— Какая лужа? — с полусмешком уточнил Олег.

— Сплошная! — заверила она его. — Хоть из дому не выходи!

Всё так и было.

...Они вышли из ТПО: именно здесь, в здании транспортно-потребительского общества, обнаружился их очередной телефон-портал — снова служебный, черный, тяжелый, у охран-

ника на самом входе, — и сразу же хотели зайти обратно. Прямо перед ними был какой-то памятник — деревянный остов то ли надстройки корабельной, то ли трибуны — сразу не поймешь, рядом с ним некое подобие улицы, но без асфальта. И тротуары вдоль — сплошь деревянные. А дальше — та самая лужа, необъятная, казавшаяся отсюда, с крыльца цивилизации, оплотом которой явилось для них в эти минуты здание ТПО, почти бескрайней. Вокруг — дощатые двухэтажные дома, частью жилые, частью, судя по незашторенным ярко горящим большим окнам, забитыми какими-то неведомыми учреждениями, конторами и конторками.

Но одно здание — там, посреди площади, среди многих больших и малых луж, в стороне от самой большой, — показалось ему знакомым.

— О, это дело доброе! «Детский мир»! — воскликнул Олег и, уже сбегая с крыльца ТПО в весеннюю мурманскую грязь, крикнул: — Жди, сейчас приду!

— Да зачем нам «Детский мир»-то?

Он не стал отвечать, что специально для нее, но противолужечным зигзагом, ожесточенно сгигая с кочки на кочку, принялся пробираться к цели.

И ведь добрался. И вернулся. Со свертком. Протянул Саше:

— Разворачивай!

— Это — мне?

— А кому?

Она с опаской взяла бумажный сверток, стала осторожно, словно мину злокозненную, разворачивать. Впрочем, как ни медлила, вскоре на свет показалась странная на вид и придурковатая в своей практичности обувь. Резиновая черная и, на сегодняшний вкус, положим, почти бесформенная.

— А что это? — недоуменно спросила Саша.

— Что, не видела никогда?

— Не-а...

— Вот и я не видел! — кивнул Олег, но все же не без удовольствия поправился: — Только на картинках. Это — галоши! Или калоши, так тоже их называли. Обувь специально для такой вот погоды. Чтобы ноги не промочить и нормальную обувь сберечь, и в чистоте держать.

Чуковского неужели не читала? Про то, как у него телефон зазвонил? Про Тотосу и прочую братию? Про то, как крокодил у него просит калоши. А тот отвечает: я ж тебе высылал на прошлой неделе. Ну и слышит в ответ:

*Ах, те, что ты выслал
На прошлой неделе,
Мы давно уже съели
И ждём не дожждёмся,
Когда же ты снова пришлѐшь
К нашему ужину
Дюжину
Новых и сладких калош!*

— Смешно, — с сомнением согласилась его спутница. — Их ещё и жрут.

— Не все, только крокодилы... — заметил Олег с улыбкой.

Несмотря на весь свой скепсис, видимый и невидимый, мыслила Саша сугубо практически, несмотря на юность, абсолютно по-женски, вдали от поэзии и школьно-ясельных ее хрестоматий. Потому и спросила:

— А себе? Себе — галоши-калоши?

— Ха-ха! — засмеялся Олег. — В «Детском мире», знаешь ли, товары только для детей. Не бойсь за меня, я как-нибудь обойдусь. Эх, мне бы сапоги! Хромовые. Офицерские. Мне бы тогда сам черт не брат.

...Он снова вспомнил про сапоги, когда они шли к Пятине мимо этого памятника несуразного — как он уже успел понять, «Памятника жертвам интервенции», — памятника, который давно стал другим, и дерево из него ушло, и сквер вокруг вырос.

— А скоро и улицу вот эту, Ленинградскую, заасфальтируют первой во всем городе. Будет центр здесь своего рода — с демонстрациями, громкими речами, парадами. Всё честь по чести. Но это позже — в тридцатые.

— А мы в каких сейчас? — смятенно спросила Саша.

— Конец двадцатых, если я всё правильно понимаю.

— А почему?

— Памятник еще деревянный... Он позже арматурой обрастет.

И тут Олег увидел людей, которые заставили его вспомнить о сапогах. Это были молодые женщина и мужчина. Оба — в черном, во флотской одежде или почти флотской. Впрочем, Олег видел только спину мужчины в черном плаще, его черную фуражку (не разглядел, был ли на ней золотой краб-кокарда? скорее всего, был), черные туфли. А ещё видел, как мужчина подошел к деревянному тротуару, на котором стояла женщина, и — снял ее с плоской, не слишком чистой поверхности, и — в несколько движений, почти балетных, размашистых, перенес подхваченную на руки на другую сторону все той же самой Ленинградской улицы.

Женщину Олег разглядел хорошо. Невысокая, но плотная, не пушинка, нет, в теле. Тоже плащ, но под плащом, кажется, форма. Открытое широкое лицо, не с картинки, но в меру красивое. Мокрый от дождя берет. «Кажется, механики в ту пору такие носили...» — подумал Олег. Может быть, ему только показалось, но в глазах женщины угадал лукавинку, словно что-то говорила она своему мужчине — и любя, и ерничая, даже вольно или невольно желая задеть. Нечто вроде: «Что, Коля, так и будешь меня всю жизнь с тротуара на тротуар таскать?» Тот не отвечал, но взял ее так, что и говорить что-то еще не имелось особой нужды. И почему еще Олег вспомнил тогда о сапогах... Туфли у мужчины были идеально чистые, словно и не было вокруг луж и прочих неизбывных прелестей кольской весны.

«Да, здешние улицы просто так не перейдешь...» — подумал, но говорить ничего не стал.

— А еще насчет времени. Почти точное указание. Гляди! — показал Саше на вывески над убогими, в общем, лавчонками, где крупными буквами значилось: «Хао-Чо-Сян», «Лю-Цзи-Цин», «Ван-Бао-Шан», «Чоу-Зын-Шен».

И бронзоволикие, одинаково улыбочивые хозяева у дверей.

— Неужели китайцы?

— Они самые! Как же без них?

В этот момент совсем не китайского вида тетка (немаленькая, крепко сбита блондин-

ка, бойкая, резкая в движениях — вполне себе мурманка) в белом то ли поварском, то ли больничном халате вынесла из такой-то вот шанхайской двери полный таз неведомой несъедобной дряни, должно быть, отходов производства, и выплеснула прямо на улицу — почти под ноги Олегу и Саше.

— Эй, молодка, полегче! — попробовал остеречь небронзоволикую девицу Олег. — Без ног оставишь!

Та неодобрительно оглядела говорившего с ног до головы и заметила равнодушно:

— Шел бы ты, барин, куда идешь, — и добавила с усмешкой: — Глядишь, и ноги целее будут.

— Что-то она на китайку не слишком-то и похожа, — вглядываясь в девицу, над которой чернели и алели вывески с многочисленными Лю и Хао, промолвила Саша. — Прямо совсем...

И потом, словно оторвавшись на миг от разворачивающейся вокруг живой реальности (пусть и из прошлого, но реальности!), заговорила быстро, будто боялась забыть то, о чем только что вспомнила, — вернула из утлых закровов девичьей памяти:

— Знаешь, а у меня же прабабушка или прапра, не помню... Когда только-только в Мурманск приехала, тоже у китайцев работала!

— Да ну?! — аж присвистнул Олег то ли от удивления, то ли издеваясь. И даже обернулся на некитайскую мадам. Удостоверился, хмыкнул удовлетворенно: — А что, похожа!

— Да брось ты! — отмахнулась Саша, с размаху ударила его кулаком по руке.

— А вон — лопарь!.. Лопарь, смотри! — тут же постарался сменить тему беседы Олег. — То есть, конечно, саам по-современному.

Лопарь и впрямь стоял рядом. Ухмылялся дьявольски, воровски. Маленький, зубы адски плохие, но улыбается с удовольствием — себе и миру рад. Из кармашка малицы, — тяжелой и свертеплой, жаркой, — извлек осторожно жестяную коробочку из-под граммофонных иголок. Открыл — показал. Внутри — зерна изжелта-белые, то поменьше, то побольше.

— Это жемчуг, — уважительно просветил путешественников лопарь.

За жемчужину, самую большую, величиной

с солидную горошину, смиренно и вкрадчиво попросил червонец.

— Не слишком и дорого... — с усилием, натужно соображал, пересчитывая через три времени, Олег.

Но Сашу занимало другое, совсем другое. Женщины, женщины... И много. И хорошо одетые! Шегольски, по-модному, не хуже, чем на Невском или улице Горького! А тут они — вдоль вокзала!.. Вдоль вокзала, не спеша, как по ниточке невидимой, все вдаль... все вдаль...

Как писал один залетный дурачина-литератор, случайно оказавшийся в здешних краях: «В Мурманске — белые платья, шелковые чулки женщин, больше шелковых чулок, чем на Невском, потому что Мурманск — город самых фантастических заработков в СССР...»

— Тут, знаешь, кого только не было! Даже негр какой-то приبلудный. Из Сомали. То есть не «не было», а, видимо, есть!

— Зачем? — резко спросила Саша.

Настолько резко, что Олег даже сразу ее и не понял. Переспросил:

— Зачем? — секунду спустя всё-таки дошло до него, докатилось. Поправился: — Ты хотела сказать — за чем? За длинным рублем, конечно. Здесь ведь Клондайк! Эльдorado! Без работы никто не остается. Нет таких! И всё. И — кончено! Обычный грузчик, докер тут выгонял в месяц до пятисот монет. А это были деньги в Советском Союзе. Деньги. Опять же простор океанский. Тот самый вольный ветер.

— А это-то что, позвольте спросить? — поинтересовалась Сашка.

Как-то по инерции поинтересовалась, словно между прочим. Поэтому он и отвечать не стал, отговорился сумрачно:

— А вот это... — он замялся, пытаясь найти правильное определение, точное слово. — Это, наверное, не объяснить. Это что-то помимо нас. Выше. И чище.

— А вон, гляди!.. Гляди, мурманский трамвай... От англичан ещё остался, они соорудили. От угольных причалов ходил до центра, вот досюда примерно, до Самойловой, которая тогда называлась улицей Ленина. Прокатимся?!

— Давай!

И они вскочили на узкую платформу мурманской декавилки, забитой какими-то мешками и железными прутьями. Пассажиров почти не было, трамвай — так уж повелось — использовали как грузовой, но один живой старикашка имелся — это помимо водителя, у того, кстати, Олег с радостью заметил под ухом трубку не трубку, но переговорный диск, и как-то сразу успокоился за их с Сашей будущее. Мокрый, как тюлень, и такой же усатый, был он не совсем, конечно, но малость не в себе: полуспал, полужил, полубредил. И всё твердил при этом уютным шепотком о том, что, дескать, губит людей не пиво, а иные коварные жидкости...

УЧИ СЛОВА!

Хау-фьють, хау-фьють, хау-бамбау! Фьють! Беспощадной казацкой плёткой — вислогубой, колючей — шерстил по узким улицам Мурманска ветер. Носил по закоулкам-переулкам сухой жгучий, кажется, горячий, как порох, готовый взорваться, снег. Он и взрывался порой — не сам, но по воле бомб, что почти беспрестанно сыпались на город с неба. Но не сейчас, не в полярную ночь, непроглядную, тяжелую, что на время, словно нерукотворный защитный плащ, маскхалат, прикрыла городские тесные улочки и площади, дворы и скверы собой, защищая от смерти, что, казалось, как на фронте, жила здесь повсюду, даже в детских садах и песочницах, оставленных их привычными обитателями. Да, детей в ту пору в Мурманске не было, вывезли в тыл от огня и бомб — всех.

Бомб в эту пору не было — это да, но холод был. Да ещё какой! И ветер. И скрыться от них было некуда. Это в осенней-то одежде — их обычной униформе при перемещениях во времени. Пластики да джинсики, да туфельки легонькие... Особенно придирчиво донимал ветер — не хуже всякой пули или осколка пронзал насквозь, да и только. Хоть в сугроб ныряй!

— Что-то не свезло нам с погодкой на этот раз... — грустно пошутил Олег и уточнил уже совсем горько: — Или со временем года.

Он замолчал на секунду, а потом тихонько

пробурчал — кажется, только для себя, не для чужих ушей:

— И где он тут контрабасы увидел?

Но Саша услышала:

— Кто — он? Какие кабиасы?

— Контрабасы! Но это — неважно. Это позже будет, уже после всего... И кабиасы, кстати, тоже — позже... позже. И не здесь...

— А где мы-то?

— Пока не знаю, — честно ответил Олег. — Но, судя по всему, далеко...

— Это что? — услышали они из темноты грубый, на басах, властный окрик. — Вы что, с ума сошли? Кто такие? Контуженые, что ли? Совсем разум потеряли? Кто ж так ходит в декабре?

Ответить ни на один из вопросов путешественники не успели, да и не пытались это сделать. Кто-то невидимый цепко (не выскользнуть!) прихватил Олега за руку и потянул куда-то внутрь, в ту самую страшную, но тёплую непроглядную темноту. Вырваться он не стал, последовал за неведомым ведущим, Саша — тоже рука в руке — шла за ним. Они буд-то нырнули куда-то вниз, в подполье. Мгновенье — и вынырнули на свет, оказавшись в тесном полумраке утлой комнатки, тяжёлую темень которой нарушало пламя, зажженное над снарядной гильзой.

— Девчата, принимайте постояльцев! — кликнул их поводырь в этот полумрак.

К ним тут же метнулись две тени. Одна протянула Олегу шапку, а вторая бросилась к Саше, моментом обрядила ту во что-то белое. «Полушубок? — подумал он. — Вовремя...»

Саша, должно быть, думала так же, прошептала ошеломлённо:

— Респект! — и, обернувшись к Олегу, добавила: — Это что — троллинг такой? Галактический?

— Тю... — присвистнул тот, что привел их сюда. — Вы иностранцы, что ли? То-то я смотрю: и плащи, и брюки, и боты не наши какие-то, чужие. С конвоем к нам пришли? С какого корабля?

— Мы не пришли. Мы прилетели, — сказал Олег смущенно и этим, видимо, ещё больше озадачил их поводыря — невысокого, но

крепко сбитого, похожего на ходячую тумбочку мужика.

— Тоже скажешь: «прилетели»!.. — с недоверием ещё раз оглядев гостей, промолвил тот. А потом словно загорелся — засветился весь в темноте: видно, настолько ему была по нраву пришедшая на ум мысль: — Может, вам налить?! Водки, звиняйте, нет, но спирт, сдастся мне, найдется. А, девчата?

— А давай! — согласился Олег, которому уже начинал нравиться их неожиданный избавитель от принудительных нещадных ласк зимнего Мурманска.

Нашелся и спирт, и кружка какая-то казенная, военно-полевая. Налили с избытком. Олег, не раздумывая, разведен ли спирт, махнул. Жидкость была в норме, разбавленная. Но разбавили жестко, видимо, по широте — градус ударил в голову, внутри у Олега потеплело. Да и повеселел он с ходу.

Мужик сторожко поглядывал на него — ждал эффекта. Увиденное его, может, не слишком-то и удовлетворило — должно быть, ждал большего, но всё же оценил достаточно высоко.

— Смотри-ка ты, молодец! — уважительно произнес он. — И по-русски моёт. Хитер, бродяга!

— Не моёт, а моет... — сурово заметил Олег мужику. — Как же мне по-русски — и не мочь? Родной язык. Любимый.

— Да я не про то, тютя! — похохатывая, ответил тот. — Совсем не про то. То, что ты русский, я и так понял, не дурак. Но подтверждение требовалось. Проверить бы вас, конечно, не мешало. Но... вижу уже, что свои.

— Дядь Паш, а может, они нам помогут? — с надеждой спросила одна из девушек их провожатого. (Олег и Саша наконец-то узнали его имя.) — С этими... с американцами?

— А вы так с ними и не разобрались? Ты же вроде знаешь по-ихнему?

— Знать-то я знаю, да слов не хватает...

— Сколько повторять: учи слова! — снова забасил тот. И даже слегка, самую малость, аккуратно тронул голову девушки открытой сильной ладонью, нежно, только для вида обозначая подзатыльник. — Слова! Это — главное!

Он бурчал еще что-то, столь взыскательное

и нелицеприятное для девушки, а когда устал ворчать, спросил:

– Где они у вас?

– В каптерке.

– Так веди! – приказал мужик, и новые слова его тоже содержали скрытый упрек, словно незримый шелчок по носу, когда не больно, но обидно: – Что стоишь-то?

Американцев было двое. Один – маленький, чернявый, незаметный, с без конца хлюпающим, будто живущим отдельной от своего обладателя жизнью, внушительным носом. Второй – огромный черный великан, угрюмый, страшный. С серьезными нашивками, но, судя по всему, не офицер, из нижних чинов.

«Сержант, что ли?» – подумал Олег.

Негр действительно оказался каким-то унтер-офицером. Происхождением парочка была с одного из кораблей сопровождения, что пришли в Мурманск накануне с караваном союзников. В городе парни тут же напильсь и заблудились. Девчонки-сандружинницы нашли их на улице. По их словам, те сидели на снегу и пели.

– Пели? И хорошо пели? – поинтересовался Олег.

– Плохо! – засмеялась одна из хозяек, добавила с улыбкой: – Да и не по-нашему...

– Ну это понятно, – кивнул Олег и спросил: – А с чего вы взяли, что они американцы? Язык же не знаете.

Девчонки едва ли не одновременно всплеснули руками, заговорили наперебой:

– Да как? Это ж видно! Англичане – другие... другие.

– Ну, форма ведь другая, кстати, – поясняя, заметил дядя Паша. – Но даже не в форме дело. Форму под бушлатом и не разглядишь. Но ведут себя иначе.

– Да, да! – закивали девушки, загалдели попеременно: – Англичане – надменные, смотрят всегда свысока, словно одолжение тебе делают – даже тем, что рядом стоят. Да и блюдут себя. Не стали бы они на снегу сидеть и песни горланить. А эти – парни простые. Почти как наши. Да вы и сами видите.

– Да уж видим... – с едкой полуулыбочкой заметила Саша.

Штатовские военморы сидели тихонько, смотрели по сторонам тревожно, а своих спасителей благодарили многократно за приют, за тепло, без которого бы умерли.

– Донт уорри, гайс, би а хэппи! – попыталась приободрить их Саша.

А те снова благодарили – почти молитвенно, самозабвенно. Старший время от времени повторял как заклинание: «Ви маст гоу... Ви маст гоу». А младший даже пожелал русским счастливого Рождества.

– Что они там? – спросил дядя Паша. – Прощения просят?

– Нет, говорят, что им идти надо, – перевела Саша. – И с Рождеством поздравляют.

– Ну, последнее нам без надобности, – заметил дядя Паша, со снисходительной усмешкой добавил: – Особенно ихнего. У нас, чай, свое есть. А оно ещё далеконько.

– Маша, отдай им, что при них нашли, да пусть топают...

Маша медленно, словно нехотя, протянула заокеанским гостям большой, похожий на плакат или афишу концерта, конверт с красивым широким темнокожим женским лицом.

«Обложка!» – помстилось Олегу.

Но те конверт не приняли. Большой протянул его девчонкам со словами:

– Итс презент! Итс бест американ сонгс. Американ джаз.

Потом попытался сказать по-русски:

– По-да-рок.

«И вправду, обложка...» – утвердился в своих подозрениях Олег. А Саша, несмотря на помощь гостя, всё-таки перевела:

– Говорит, что подарок. Лучшие американские песни. Джаз.

Сумрачный дядя Паша и ухом не повел, а одна из сандружинниц почти подпрыгнула от восторга:

– Джаз? Слышала-слышала!..

– Слышала, да не слушала... – одернула ее вторая девица.

– Не слушала, так шас послушаем! – откликнулась первая и живо метнулась в угол, откуда извлекла почти невидимый в темноте массивный черный ящик.

– А, девки, у вас и граммофон имеется?! –

удивленно присвистнул дядя Паша. — Ой, доложу про вас Владыкиной! Ой, нагорит вам от нее!

«Екатерина Владыкина — политрук, кажись, мурманских дружинниц... Книга у нее была — «Дружинницы, подруги мои», — вспомнил Олег.

— Так уж и нагорит! — заметила одна из дружинных барышень.

— А она, кстати, знает! — с вызовом выкрикнула другая. И шепнула товарке на ухо: — Заводи!

Музыка, которая проникла в подвал мурманского дома, вмиг заполнила собой всё — будто большое протяженное тело накрыло собой пространство — всё, без остатка. Музыка, сплетенная из тоски и тонких, едва различимых между нот радости и страсти. А потом в комнату проник, а если точнее — вошел голос... Такой, каких мало на нашей земле. Мало вообще. Без разницы, с какой мы стороны океана, на каком языке он звучит. Точнее, язык был один. Язык, в котором нераздельно и неслиянно соединены жизнь и смерть, любовь и разлука. Звук был плотный, объемный, заполняющий собой всё вокруг, всепобеждающий. Но тоскливый... тоскливый. По-черному тоскливый. Во всех смыслах — по-черному.

— Билли Холлидей... — без усилия восхищенно определил Олег.

— Ты знаешь?! — бросился к нему черный сержант, обнял. И с восторгом заметил своему товарищу: — Живут в подвалах, есть нечего, а слушают Билли Холлидей.

— Сумасшедшие русские, — закончил за него товарищ.

— Да ладно, отдыхай! — отстранился от темнокожего великана Олег. — Мы, конечно, русские, но другие. Чуть-чуть.

— Перевести? — лукаво спросила Саша.

Тот только рукой махнул: «Зачем?»

Маша долго с помощью Саши объясняла американцам, как им идти до порта, а дядя Паша тем временем взялся за Олега:

— Поясни-ка мне, милый друг, это какие вы другие русские? Эмигранты, что ли?

— Некоторым образом — да, эмигранты, но не из другой страны, — ответил было тот и

сам испугался. Слово неправильное, запретное слово.

— Это как? — не понял его дядя Паша и уточнил недоуменно: — Так разве бывает?

— Редко, но бывает, — веско заметил Олег и добавил — вкрадчиво, со значением: — Бывает. Но не со всеми, конечно.

— Надо всё-таки вас проверить... — подвел итог дознаватель и, как показалось Олегу, излишне тяжело задумался.

«Надо валить! И чем скорей, тем лучше...» — подумал Олег и огляделся вокруг, поводил жалом по углам. В полумраке подвального видно было не ахти, но всё же что-то разглядеть удалось. Одежда, противогазы, комбинезоны какие-то синие. Ничто к его мыслям о бегстве не шло. Ну никак.

И тут он увидел аппарат. Телефонный.

Телефон был черный. Большой. Блестящий. С такой же большой и черной угловатой трубкой.

— Видела какой?! — Олег поднял трубку, убедился в ее весомости, покачал, словно булавой, ею в руке, заметил: — Тяжелая... Такой и убить можно.

— Полегче, дяденька, полегче... — строго оборвала его одна из дружинниц, забрала трубку, положила. И, словно извиняясь, объяснила причину собственной строгости: — Служебный.

— Телефон и правда служебный, — строго подтвердил дядя Паша.

— Ну да, я понял, — кивнул Олег. — Из разряда «положь трубку!», да?

— А это откуда? — задумался его собеседник. — Что-то не припомню.

Он еще немного подумал, но потом остановился: видимо, где-то внутри себя махнул на забытое или невольно показавшееся забытым и переключился на действительность:

— А ну-ка, Татьяна, ты проводи-ка гостей наших заокеанских до порта. А то, чаю я, сами не дойдут. А я уже доложил. Отвечай потом за них.

Тепло распрощались с американцами; Саша и Олег так даже обнялись с ними, за что тут же заслужили ещё один вопросительно-осуждающий взгляд дяди Паши — мол, нашли с кем об-

ниматься. Чувствовалось, что он всё более утверждается в необходимости проверки этих странных молодых людей — и проверки не медленной.

Американцы, ведомые дружинницей, ушли, а Олег нежданно для себя представил, как идут они по ночному Мурманску — зимнему, колючему, недобро скрипучему. Олег знал, каким город был совсем недавно — летом, в самый страшный для него день, когда не горело только море.

Земля в Мурманске в эти несколько часов словно бы стала солнцем — пылающим, беспощадным к людям... Пламя было повсюду — металось в ярости от дома к дому, будто большой и пьяный человек с огненными руками в пьяном кутеже рвется, шатаясь, по городу, обнимая здание за зданием, редкие деревья, улицы, людей...

«Гастроном» — задымленный, полуразрушенный, тоже горел — как и несколько деревянных домов в глубине квартала. Горели госбанк и милиция, сараи, телефонные столбы и провода, газетные киоски, заборы. Щит для объявлений неподалеку от недостроенного кинотеатра «Родина» — тот уже догорал; нещадное жадное пламя оставило от него лишь узкий металлический каркас. Несколько бомб повредили одну из самых приметных мишеней — Дом междурейсового отдыха моряков.

Горел и Дворец культуры имени Кирова. Здание прошило фугасной бомбой насквозь — как раз там, где была сцена. Была... Пожар возник не сразу — словно таился, набирался сил, а потом резко поднял голову — вспыхнул в правом крыле. Сначала — наверху, в парткабинете горкома. Потом дошел и до первого этажа. Там-то было чем поживиться огненному бесу. В этом месте в ДК находилась библиотека.

С немим укором смотрели на происходящее вокруг две статуи у входа во Дворец. Их правильные, совсем недавно почти идеальные, а теперь иссеченные осколками тела почернели от сажи и дыма. У первого — с мячом в поднятых руках — заметных ран не имелось. А вот у

того, что справа, качалась на арматуре, словно у живого на сухожилии, сломанная рука. Казалось, и они тоже участвуют в битве за родной город. Как и все мурманчане...

Американцы и Танька шли по другому Мурманску — уже выбравшемуся из пламени — покалеченному, но живому. Шли среди зимы по ночному молчащему городу. Ни огонька, ни звука вокруг. Казалось, мертво всё, недвижимо и холодно, как вечная мерзлота, как сама смерть. Они шли не по улицам, а как-то сквозь дворы, порой даже сквозь дома. Оно, в общем, и немудрено: дома — почти все, что попадались им на пути, — были деревянные. Так что, если ты, к примеру, ветер — так просквозишь и не заметишь! И ветер сквозил, во всю свою скально-морскую разбойничью дурь. Американцы, понятное дело, сквозить не предполагали. Желали одного — до корабля благополучно добраться. Как ни есть, а всё же дом родной, по крайней мере, на время плавания — особенно такого, которое выдалось им на этот раз, — слишком долгого, слишком холодного, слишком опасного в этот город студеного ветра, железных людей и деревянных домов. Нет, один каменный все-таки был. Уже на выходе к порту слева от них обозначилось бортом солидное здание. Американцы не могли видеть, что выстроено оно подобно мореходному судну: корпус, надстройки, такелаж — всё честь по чести. И пусть ни видеть, ни осознать этого они не могли, но всё-таки что-то моряцким, внутренним своим чутьем поняли. Заохали:

— О, ес! Вери велл!

— Ес! — поддакнула им Танька. И пояснила, напрягши все собственные невеликие познания в языке Шекспира и Хемингуэя: — Итс сейлор колледж.

— Ес! — кивнул черный унтер. И тоже постарался смести напрочь языковой барьер: — По-ни-ма-йт. Ви а андестенд.

А ветер всё кружил по спящему городу, всё накручивал виражи по снежным его дворам. Но порт, который уже хорошо был виден отсюда, от улицы Шмидта, не спал. Там даже, несмотря на все заботы о светомаскировке, видна, заметна была жизнь — по движению,

по людям, что шли туда тропками из разных мурманских домов — и каменных, и деревянных. Даже по ним — американцам, заплутавшим на его улицах, и девочке-дружиннице, что вышла их проводить, — это было заметно. Порт — это центр. Как знамя, которое стягивало к себе мурманцев всех поколений. И не только из разных уголков города, но из разных уголков планеты, — разных, порой совсем уж недостижимых, немыслимых закоулков Мирового океана.

— ...Ну ты чего там? — очнулся Олег от вопроса дяди Паша. — Заснул?

— Ты чего завис? — по-своему определила его инобытие Александра.

— Как-как? — переспросил их давешний спаситель. Слово он не знал, но оно ему неожиданно понравилось: — «Завис»? А ведь хорошо! Очень точно. Мне вот еще интересно, где завис...

Он даже заулыбался, так ему слово по сердцу пришлось, ободряюще похлопал гостя по плечу:

— Ну ты, паря, не виси, не виси...

— Да я уж не вишу, — тоже улыбнулся, но чуть-чуть, одними губами Олег. — И не висну.

И, повернувшись к Саше, подмигнув, промолвил: — Что, домой?

— Хорошо бы... — поежилась та недовольно и спросила — потерянно, почти без надежды: — Но как?

— Это куда это мы собрались? — обеспокоенно оживился дядя Паша, оглядывая гостей, к которым так и не решил, как относиться.

С американцами легче — там всё было ясно. А тут... Ну кто вот они такие? Одеты не по-советски, американскую музыку знают, на их языке говорят. Но и по-нашему тоже — причём как мы. Однако как мы, да не так!

— Пока не знаю... — ответил ему Олег, тут же попросил: — А позвонить можно? По вашему, по служебному?

Дядя Паша на секунду задумался. Потом, решив про себя, что худо-то не будет, а по номеру он и понять что-то сможет о звонившем, — возможно, и то, что тот о себе говорить не хочет, разрешил:

— Звони!

— Держись за меня! За локоть! — Олег приказал Саше, снял трубку и начал крутить заветный черный диск, набирая циферки заветного номера.

— Куда? У нас же цифры другие! И их не так много! — вскрикнул замороженно следивший за ними дядя Паша, когда Олег только еще въезжал в пространство сетевой связи.

Но Олег и Саша были уже далеко...

* * *

Они стояли на краю океана. Не разнимали рук, не говорили ничего — просто стояли. Рядом, за кромкой невеликой здешней набережной, не слишком торопясь, без суеты, покачивая корабли на рейде и в порту, гнал к берегу волны Кольский залив. Да, конечно, он ещё не океан, даже не море, но их предтеча, молчаливый вестник того, что они — и море, и океан — в двух шагах, «за углом», как здесь иногда говорили. «И правда, за углом, если направо свернуть...» — подумал Олег.

Впереди был океан. А позади — город. Отсюда он был почти не виден, разве что морвокзал, с которого начиналась прибрежная его часть, и дома четвертой террасы, которые в этот утренний час, как здесь часто бывало, скрыл от глаз туман, — так, что, если не приглядываться, и не различишь ничего. Да, город был почти не виден, но ощутим, явствен. Даже сквозь туман. Даже в полярную ночь.

Да только ли дома — он, город? Дома, конечно. И порты все его прибрежные, и Пять углов, и прорезавшие его насквозь проспекты — Ленина, а когда-то Сталина, и Кольский, и созданный поверженными врагами аккуратный прямоугольник между Либкнехта и Октябрьской — Немецкий квартал, и Роста с его знаменитым заводом — с одной стороны, с севера, и Нагорным, и озером Ледовым, «Атлантикой» и Беринга, — с другой, с юга, с выездом в Колу, и дальше — в Мурмаши, в аэропорт. Да, дома. Почти все, кроме центра, построенные не просто после войны, но лет через двадцать-тридцать после нее, когда появился свой комбинат, пекший, как пирожки, железобе-

тонные блоки для будущих хрущевок, и не только, и город смог (впервые за уже немаленькую свою историю!) забыть о бараках. Дома пошли в рост! Весь Восточный микрорайон и вовсе появился уже на излете советской власти, в восьмидесятые.

Да, дома. Но город — не только они. Город — это люди. И дома-то ведь именно для них. И ими созданы. Именно они сделали Мурманск таким, каким мы его видим теперь. В жизни ничего не бывает сразу, с неба не падает. Всё постепенно. Постепенно, шаг за шагом, год за годом.

Олегу вспомнилось то, что пережил сам в городе на рубеже столетий и эпох, девяностые-двухтысячные: своих друзей и подруг, любовь, Мурманск, что менялся тогда каждый день, и каждый день ожидаемо приносил новые сюрпризы. Вспомнилось, как жил город до него, до всех, кто живет в нем сейчас. Вспомнилось и то, что Олег и Саша увидели там, внутри других времен, с помощью телефонного портала... И съемки у Бредова и ещё не случившейся «Юности»¹, и Андреева с Дanelией, и девчушек-сандружинниц, и потеряшек-американцев, и дядю Пашу, которому так и не довелось дознаться, кто они — эти два странных человека, которых спас он среди мурманской зимней военной юдоли... Вспомнил и девушку, которую знал когда-то, и человека, которого не знал, но которым — так уж вышло! — был много лет назад.

— Никогда не думала, что он такой... — раздался голос Саши. — Никогда его прежде не видела.

На вопросительный взгляд Олега она показала на статный суровый корабль — знаменитый ледокол, что стоял невдалеке у причала. Добраться до него можно было по металлической решетке, что шла от набережной вниз, к воде, а дальше — по площадке, что текла вдоль борта к могучему трапу.

— Какой?

— Красивый...

Корабль действительно был необычный. Он как-то необыкновенно, даже волшебным сочетал в своем стальном облике мощь и легкость, твердость и изящество, и — движение или,

точнее, готовность к нему. Весь — порыв, словно взмах руки — решительный и высокий. Хоть и давно уже поставленный здесь навечно ледокол стоял у мурманского причала, но близость полета в нем жила неистребимо, близость неба. Живой символ города, столь крепко впаянного и в это море, что, исполненное вечного движения, никогда не замерзало, и в это небо, что неизбежно копило и множило климата хмари и напасти, но не переставало при этом быть родным.

Тут только, вглядываясь в ледокол, чуть в стороне от перехода к нему, Олег заметил телефонную будку — очень похожую на ту, с которой начинались их блуждания во времени. Такая же старенькая, тертая, битая жизнью.

Они подошли ближе.

У турникета, отделяющего стоянку ледокола от набережной, стоял работяга — видимо, ожидал очередную экскурсию. Олег спросил у него:

— Эта-то откуда здесь?

— Ха! — с удовольствием, хоть и не без некоторого презрения к праздным гулякам, которые его побеспокоили, сообщил рабочий человек: — Так кино у нас снимали! Про раннюю жизнь. Вот не убрали за собой — осталась.

— Для нас, наверное... — с улыбкой заметил Олег.

Саша улыбнулась в ответ.

Смотритель поглядел на них, как на призраков из иных миров, с подозрением, непонимая. Заметил сквозь зубы, уже без желания:

— Шли бы вы домой, граждане! Нечего тут...

— А мы, в общем, и так дома... — ответил Олег и, радостно вслушиваясь в то, как отзывается ему всё вокруг: и залив, и пустынная морвокзальная площадь, и весь скрытый за туманом Мурманск, — громко повторил: — Дома!

В тот же миг он почувствовал, как маленькая рука в его ладони ожила и тоже словно бы заговорила: длинные тонкие пальчики сжали его пальцы, как будто подтверждая: «Дома! Дома!..» И где-то внутри, словно сами по себе, без его участия, зазвучали слова:

¹ Имеется в виду кафе «Юность» в Мурманске.

*Он стоит на краю океана.
Восемь месяцев здесь зима.
Ветер, дождь и пурга неустанно
Тут пытаются на прочность дома.*

*Про погоду — почти всё правда,
Хоть и с ней ни черта не поймёшь.
Да, ни лета, ни дачи, ни сада —
Только этим меня не проймёшь!*

*Я люблю этот город солёный,
Сотворенный из моря и скал,
На камнях к небесам вознесённый,
Не на час, не на день — на века!*

*Даже если вдруг скажут: «Поверь ты,
Там лишь сопки, снега да беда,
Закричишь — и никто не ответит —
Съела всё ледяная вода!..»*

*Даже если ветрюга тоскливый
Без мандатов и понятых,
Не боясь участковых сопливых,
Вынет душу ударом под дых,*

*Даже если метель за ворот
Схватит цепко, притянет ко льду,*

*Мой туманный, заснеженный город,
Всё равно я к тебе приду.*

*Жизнь моя с этим городом слита,
Срок настанет — свободна, легка —
На Папанина или на Шмидта,
Словно птица, уйдёт в облака.*

*В переулке убогом и скользком,
Вечно пахнущем рыбной мукой,
Где-нибудь на проспекте Кольском,
Город мой, я расстанусь с тобой.*

*На Аскольдовцев или на Крупской,
На Пяти неоглядных углах, —
Там, где девочки семечки лузгают,
Там, где ночь, словно день, светла.*

Дмитрий Валерьевич КОРЖОВ —

поэт, литературный критик, прозаик.

Окончил Мурманский государственный педагогический институт (1995)

и Литературный институт им. А. М. Горького (2002).

Автор более десятка книг прозы, поэзии и критики.

Составитель антологии поэзии Кольского края

«Отсюда начинается Россия» (2021).

Один из авторов библиографического словаря

«Русская литература XX века. Прозаики. Поэты. Драматурги» (2005).

Участник Международного православного хода Мурман-Черногория (1997).

Руководитель Славянского хода Мурман — Балканы (2018).

*Автор идеи и один из создателей
литературного форума «Капитан Грэй» (с 2011 года).*

*Лауреат литературной премии главы Карелии
имени Г. Р. Державина «Во славу Отечества» (2021).*

Член Союза писателей России (2002).

Живет в Мурманске.

